

*Автор выражает благодарность
сотрудникам УФСБ РФ
по Пензенской области
за предоставленные материалы*

Глава 3

Массовые гонения на Церковь

После смерти Патриарха Тихона в управление Русской Православной Церковью до законного выбора ее нового главы должен был вступить Местоблюститель патриаршего престола. Из трех названных Патриархом кандидатур к тому времени на свободе находился лишь митрополит Крутицкий и Коломенский Петр (Полянский). На случай своей смерти или ареста он также оставил себе преемников. 10 декабря 1925 года митрополит Петр был арестован, и на основании его воли управление Церковью взял в свои руки митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский) в качестве временного Заместителя патриаршего Местоблюстителя. Ряд иерархов не признали его прав на управление Русской Православной Церковью и образовали Временный высший церковный совет (ВВЦС) под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского). Так возник еще один раскол, названный по имени главного его инициатора “григорианским”. Впоследствии резолюцией Местоблюстителя патриаршего престола Петра, незнакомого с действительным положением вещей, была образована коллегия (Тройка), состоящая из трех архипастырей – архиепископа Владимирского Николая (Добронравова), архиепископа Томского Дмитрия (Беликова) и архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского), которым и поручалось временное управление Церковью. Однако уже через полгода патриаршим Местоблюстителем коллегия была упразднена, чем подтвердилась и неканоничность ВВЦС. Тем не менее григорианство существовало еще и в 1930-х годах, а последние его представители принесли покаяние лишь в 1943 году. Последователи григорианства объявились во многих епархиях, в том числе и в Пензенской, где им до 1931 года принадлежали четыре церкви: Рождественская, Преображенская, Сергиевская на Мироносицком кладбище и одна из церквей Троицкого женского монастыря. Все они были закрыты в 1931 году, а вместо них григорианцы стали отправлять свои религиозные потребности в Митрофановской церкви.²¹⁹

В 1927 году в г. Пензе из 14 церквей 8 принадлежало обновленцам и лишь 6 староцерковникам (тихоновцам), в уезде же последние контролировали до 90 % приходов²²⁰. В последующие несколько лет в результате поддержки местной властью обновленцев к ним перешло большинство пензенских храмов. Гонения на Церковь, выразившиеся в закрытии храмов и арестах священнослужителей (безотносительно уже, к какой ориентации они принадлежали), привели к тому, что число действующих храмов стало резко сокращаться. В 1930 году обновленцы потеряли Воскресенскую церковь (Старый Спаситель), Никольскую и один из храмов Троицкого женского монастыря, в следующем – Петропавловскую, Боголюбскую, Покровскую и Казанскую церкви. Осталась у них, как и у григорианцев, только одна – Успенская церковь на Мироносицком кладбище. 25 октября 1931 года в ней состоялось общее собрание обновленческих общин г. Пензы. Председатель собрания “митрополит” Михаил (Трубин) предложил верующим следующую резолюцию: “Ввиду закрытия храмов г. Пензы собрание находит бесполезным для церковного дела существование самостоятельных общин закрытых храмов, а посему признает необходимым все самостоятельные общины ликвидировать и создать единую городскую общину при кладбищенской Мироносицкой церкви, каковую объявить кафедральным собором г. Пензы”. Правящим епископом на Пензенскую кафедру был избран “митрополит” Михаил (Трубин), в том же году выбывший в Алма-Ату. А на его место оттуда прибыл 65-летний обновленческий “митрополит” Николай (Федотов). В 1934 году Успенский собор был закрыт.²²¹

Церковь, сохранившая каноническую преемственность от возглавляемой Патриархом Тихоном, а затем митрополитом Сергием Русской Православной Церкви, на 1 января 1932 года владела двумя храмами: в бывшем мужском монастыре и в пригороде Конная Слобода. Еще в 1920-х годах у нее отобрали ненадолго перешедший к ней кафедральный собор и Богоявленскую церковь (Новый Спаситель), приспособленный под клуб железнодорожников, чем в особенности возгоргался приехавший в наш город в 1929 году нарком просвещения А. В. Луначарский, ведавший охраной культурного достояния. В 1929 году за ними последовала одна из церквей мужского монастыря, а в 1931 году – Всехсвятская церковь.²²²

В январе 1931 года после ареста епископа Кирилла (Соколова) Пензенская епархия осталась без своего законного архиерея. И хотя он продолжал еще почти три года официально числиться епископом Пензенским, но ему уже было не суждено быть защитником Православия на Пензенской земле, каким он являлся в тяжелое переломное время конца двадцатых годов. Ему инкриминировалась руководящая роль в Пензенском филиале Всесоюзной церковно-монархической организации “Истинно-православная церковь”, которая ставила своей целью свержение

советской власти и восстановление в стране монархии. По сути, это была расправа над Русской Православной Церковью, сохранившей каноническое преемство высшей церковной власти в лице митрополита Сергия (Страгородского). Сама организационная структура Церкви уже давала возможность представить ее как разветвленную сеть антисоветской организации, во главе филиалов (епархий) которой стояли руководители (архиереи), осуществлявшие через своих агентов (священнослужителей) связь с рядовыми членами (прихожанами). Естественно, что советская власть не преминула воспользоваться этим обстоятельством. Однако “пробным шаром” для столь широкого охвата арестами религиозно настроенной части населения явились женские монастыри, в которых, несмотря на их закрытие, продолжали проживать монашествующие – до фанатизма преданные Святой Православной Церкви, не идущие не на какие компромиссы, а по природе – слишком эмоциональные, чем создавали в отстаивании своих прав большие неудобства уполномоченным по ликвидации монастырей и ответственному за проведение этих акций начальству. Дела, связанные с арестами монахинь и можно считать началом массовых репрессий в Пензенской епархии.

Один из таких монастырей располагался в 35 километрах от г. Кузнецка, близ села Нижняя Липовка. Возглавляла его игуменья Палладия (в миру Пурысева Прасковья Михайловна), назначенная настоятельницей монастыря епископом Саратовским и Царицынским Палладием (Добронравовым), который перед самой революцией стал епископом Сарapulьским и Елабужским, а в 1922 году скончался. За усердное служение Церкви игуменья Палладия в 1920-х годах была награждена золотым крестом, что дало повод провести нить зреющего в монастыре заговора в саму Москву, а также в г. Кузнецк, где в сентябре 1929 года была арестована группа священнослужителей. Зацепка была хорошая, оставалось только представить дело посерьезней. После соответствующей работы “обнаружилось”, что “в годы гражданской войны монастырь использовался как пристанище для белогвардейцев”, “в монастыре фабриковались антисоветские листовки по форме фанатично-религиозного содержания”, к тому же община не была зарегистрирована в административных органах, а что действовало нелегально, то было не просто незаконно, а представляло опасность для государства. Арестовали игуменью и пятерых монахинь 4 сентября 1929 года, заодно взяв 75-летнего старца Григория, “живущего в монастыре на положении святого” и священника монастыря Матвея Соколова. Постановлением коллегии ОГПУ игуменью и священника приговорили к 5 годам лишения свободы, монахинь к трем годам, а Григория Тимофеевича Кривошеева, учитывая его преклонный возраст, осудили только на 4 месяца.²²³

Следующим был Мокшанский Казанский женский монастырь: 28 сентября 1930 года его игуменью (в миру Архангельская Надежда Павловна) и пятерых монахинь приговорили к пяти годам лишения свободы и еще одну осудили на три

Фотографии из альбома игумении (внизу – семья игумении Паллади)

года. В следственном деле все они проходят под своими светскими именами; узнать их монашеские имена – дело будущего. Обвинение монахиням было предъявлено обычное – антисоветская агитация. А выражалась она в том, что, как гласит обвинительное заключение, монахини организовали вокруг себя около 200 женщин-сельчан, используя их религиозный фанатизм для срыва мероприятий партии на селе. Что ж, жители Мокшана всегда были людьми религиозными, чувствуется, что усилия протоиерея Прилуцкого не пропали даром.²²⁴

В 1930 году наступила очередь Керенского Тихвинского женского монастыря, вернее того, что от него осталось, поскольку после его лик-видации монахини разошлись кто куда, но много их осталось и в Керенске (теперешний Вадинск). Эти небольшие, но многочисленные очаги распространения всяких вздорных для советской власти слухов и реше-но было погасить. 2–3 апреля арестовали пятерых монахинь, прожива-ющих в Керенске у своих родственников, а также священника Д. З. Трапезникова из с. Ртищево Керенского района и заштатного священника Н. П. Шиловского. Первого из них приговорили к 10 годам заключения в концлагере, второго к пяти, монахиням дали от трех до пяти лет. 29 декабря 1930 года была осуждена вторая очередь бывших насельниц Керенского Тихвинского монастыря. Одна из монахинь (Е. С. Дудочкина), признанная главной, получила 10 лет концлагерей, остальные семеро – по пять. Им вменялось в вину, что они “начали активно себя проявлять против советской власти, противопоставляя себя и население проводимым хозяйственно-политическим кампаниям”: “выступали против хлебозаготовок и коллективизации”, “поддерживали связи с местным кулачеством”, “после ликвидации монастыря распускали среди населения слухи против проводимых партией мероприятий на селе”, “негативно отзывались о колхозах, ассоциируя их с барщиной”.²²⁵

В 1930 году была арестована группа из пяти монахинь, живших в кельях при селах Каржимант и Мачкасы Шемышейского района, а также находившийся в отпуске иеромонах из Гомеля, уроженец с. Мачкасы Алексей Игнатьевич Сафронов, и 35-летний Гавриил Федорович Сурков, уроженец села Урлейка Кондольского района, который с 15-летнего возраста ходил по монастырям, а после революции поселился в келье на “Семи ключах” близ Русской Норки, где лечил проходящих туда людей “святой водой и камнями”. Монахиням предъявили обвинение в том, что они, собирая верующих в своих кельях, совершали там молебны, распевали песнопения, а заодно агитировали и за выход из колхоза. Весной 1930 года, когда закрывали церковь в Каржиманте, они, собрав толпу женщин из 100–150 человек, активно противодействовали этому и пытались даже избить председателя сельсовета. Сафронова, бывшего здесь совсем и не причем, расстреляли, Данилову Пелагею Филипповну и Суркова приго-

Священник Даниил
Захарович Траpezников

Священник Николай
Петрович Шиловский

Монахиня
А. И. Зазнобина

ворили к 10 годам лишения свободы, Сергомасову, Зазину и Пятаеву – к пяти годам, Учuvadову – к трем.

В январе 1931 года прошел слух, что в селе Павло-Куракино Городищенского района собираются снимать колокола с местной церкви. Весть эта моментально облетела все село и окрестности. Огромная толпа – около четырехсот человек – собралась вокруг церкви и организовала ее охрану. Прибывшие в село представители власти приказали всем разойтись. Поднялся страшный крик. В толпу были сделаны выстрелы – житель пос. Серeda Городищенского р-на Василий Григорьевич Белянков упал замертво. Начались аресты. Хватали и членов церковного совета, и крестьян-единоличников, и кустарей-рогожников, и домохозяек. Был арестован и местный священник Алексей Васильевич Листов, которого вместе с крестьянами Н. М. Богомолковым и Ф. К. Кирюхиным подвергли высшей мере наказания. Расстреляны они были в г. Пензе 29 марта 1931 года. Всего по этому делу было арестовано 26 человек, осужденных на разные сроки заключения.²²⁷

Главный родник “Семи ключей”, фото 1931 г.

Власть входила во вкус. В марте – апреле того же года было арестовано более ста человек по делу так называемого Пензенского филиала Всесоюзно-монархической организации “Истинно-православная церковь”, или сокращенно – “Истинные”, возглавляемой епископом Кириллом (Соколовым). Да, это были действительно истинные служители Церкви и истинные христиане. Среди арестованных священнослужителей г. Пензы были священник Всехсвятской церкви Н. А. Касаткин, священник Михайло-Архангельской церкви П. А. Рассудов, священники церкви бывшего Спасо-Преображенского монастыря В. И. Танитров и В. К. Царан, священники ближайших к Пензе районов, монахини Мокшанского и Пензенского монастырей, миряне. На первый раз им присудили немного – в основном по 3 года высылки в Северный край, но кто-то из них так и не вернулся обратно. Епископу Кириллу, как руководителю, назначили десять лет. Профессору богословия, преподавателю Московских богословских академических курсов Сергею Сергеевичу Глаголеву, бывшему в 1900 году вице-президентом Всемирного конгресса религий в Париже, находившемуся в Пензе в ссылке и проживавшему у епископа Кирилла, – пять лет заключения в концлагере. Дальнейшая его судьба была такой же трагической, как и многих-многих репрессированных. После отбытия наказания он проживал в г. Вологде, где в 1937 году был арестован и расстрелян. В числе “истинных” проходит целая группа по Мокшанскому району, что уже похоже на стремление особо рьяных (или садистски-кровожадных) исполнителей замыслов партии и правительства очищать свои районы от нежелательных элементов как следует. Здесь и священники П. К. Любимов (с. Азясь), Д. И. Беневоленский (с. Николо-Азясь), В. А. Касаткин (ст. Симанщина), протоиерей А. С. Виноградов (с. Чернозерье), псаломщик Ф. П. Поршнева (с. Керенка), и весь причт Мокшана – священники И. Д. Ципровский, П. И. Пospelов, И. М. Прозоров, псаломщики Н. И. Бессонов, В. М. Егоров и оставшиеся еще на свободе монахини.²²⁸

Не отставал от Мокшанского и Лунинский район. Вначале, в 1930 году, были арестованы священник с. Степановки К. А. Семенов, церковный староста и председатель церковного совета с. Танеевки С. И. Зорин и М. П. Курдин. Первого приговорили к 10 годам концлагерей, второго – к трем и последнего – к одному году лишения свободы. Потом пришла очередь остальных: в 1933 году арестовали священников Г. Ф. Шахова (с. Иванырс), И. Ф. Терехова (с. Шукша), А. Ф. Невзорова (с. Сандерки), А. П. Угарова (Кутля), иеромонаха Г. И. Федоськина (с. Большой Вяс) и монахиню-келейницу с. Ломовки А. Н. Зайцеву, которая занималась при церкви чтением псалтиря по покойникам.²²⁹

В 1932 году было сфабриковано дело о раскрытии контрреволюционной организации “Союз Христовых воинов”, по которому прошло 39 человек Николо-Пестровского, Кузнецкого, Инзенского и некоторых других районов – священники, псаломщики, келейницы, монахини бывшего

Профессор богословия
Сергей Сергеевич Глаголев

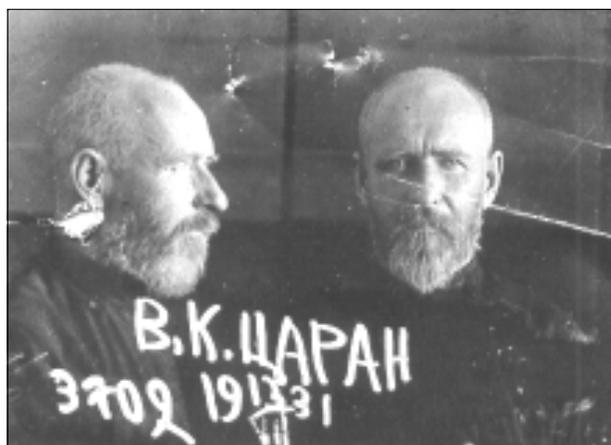

Священник Николай
Андреевич Касаткин

Священник Виктор
Иванович Танитров

Священник Вукол
Кондатьяевич Царан

Священник Димитрий
Иванович Беневоленский

Священник Иван Дмит-
риевич Ципровский

Шиханского монастыря, большинство из которых были сосланы на 2–3 года в Казахстан и Западную Сибирь.²³⁰

22 ноября 1933 года на Пензенскую кафедру был назначен только что освободившийся из лагеря в пос. Медвежьегорск Карельской АССР (Белбалтлаг) архиепископ **Алексий (Николай Николаевич Кузнецов)**. Но пробыл он у нас недолго – уже 27 марта 1934 года он стал архиепископом Тобольским, а в следующем году – Сарапульским и Елабужским. Находясь в Сарапуле, он семь раз подвергался арестам, в 1936 году был заключен в тюрьму, а в 1938 году расстрелян. Ему принадлежат знаменитые слова: “Стыдно тому священнику, который не был арестован и судим советской властью. Советская власть и создана для того, чтобы притеснять религию и судить священников”.²³¹

На его место 26 апреля 1934 года был назначен епископ **Ириней (Михаил Александрович Шульмин)**. В 1926 году он уклонился в григорианский раскол, но через несколько месяцев покаялся перед митрополитом Сергием и был прощен. До перевода в Пензу в качестве викария временно управлял Казанской епархией. На Пензенской кафедре епископ Ириней пробыл всего год и, получив сан архиепископа, 8 мая 1935 года был переведен в г. Куйбышев, где его в 1937 году арестовали и затем вскоре расстреляли.²³²

< Архиепископ Ириней (Шульмин).

С 8 мая 1935 года по 8 июня 1936 года Пензенским епископом был бывший викарий Нижегородской епархии, епископ Марийский Авраамий (**Адриан Алексеевич Чурилин**). Уволенный на покой, он тем не менее был арестован и 12 января 1938 года расстрелян.²³³

Следующим пензенским архиереем стал епископ **Феодор (Владимир Алексеевич Смирнов)**, местный уроженец. Родился он 17 января 1891 года в с. Козловке Лопатинского района в семье псаломщика. В 1916 году окончил Казанскую духовную академию. Был осужден в 1924 году на один год, в 1929 году – на три года высылки в г. Нарым. 23 сентября 1935 года состоялась хиротония его во епископа Пензенского, а 18 октября 1936 года он уже был арестован. Вместе с ним по одному делу проходило еще пять человек – арестованные в тот же день священники И. И. Умов (из Беднодемьяновска), И. К. Хорошунов (из Наровчата), Г. И. Архангельский (исполнявший обязанности псаломщика в Митрофановской церкви г. Пензы), который до того уже дважды был судим, а также священник с. Ольшанки Башмаковского района А. П. Голубев и бывший священник В. С. Смирнов, работавший на момент ареста дезинфектором пензенского бактериологического института. Все они, кроме Хорошунова, были расстреляны в г. Пензе 4 сентября 1937 года, последний приговорен к 10 годам лишения свободы.²³⁴

С Пензенской Церковью фактически было покончено 14 февраля 1938 года, когда расстреляли назначенного за год до этого (9 февраля 1937 года) на Пензен-

скую кафедру епископа **Ираклия (Илью Константиновича Попова)**, бывшего викария Оренбургской епархии, епископа Бугурусланского. Фактически он был уже не архиерей, а епископ одной Митрофановской церкви. Связи с епархией не стало, так как любой контакт при желании органов мог обернуться контрреволюционным разговором. Но и без этого оставшееся духовенство епархии, которое еще не было репрессировано, доживало на свободе последние дни. Уже мало кто из священнослужителей мог рассчитывать при аресте на 10 лет, – уничтожали всех поголовно. Преосвященного арестовали 22 декабря 1937 года, а через три недели его не стало. Вместе с ним расстреляли священ-

ников Митрофановской церкви П. И. Ремизова, С. И. Ключникова, заштатного священника П. И. Боголюбова и преподавателя Веселовской неполной средней школы, сына бывшего пензенского архитектора С. В. Семечкина. Ничего умнее не нашли, как “объединить” их всех в одну контрреволюционную церковно-монархическую организацию с обновленческим архиепископом Сергием (Сердобовым) во главе. “Руководителя” взяли чуть раньше – 3 декабря 1937 года. Следом за ним – его “сообщников” (шестерых священнослужителей и председателя церковного совета Мироносицкой церкви). На радостях, что в Пензе с религией покончено, решили расстрелять только троих – “руководителя” организации, протоиерея И. И. Андреева и священника Н. Д. Виноградова, остальных приговорили к восьми – десяти годам.²³⁵

Два последних пензенских архиерея стояли рядом во дворе тюрьмы. Предстоящая кончина примирила их. Бывшие когда-то врагами, они теперь символизировали собой единую Церковь, которая в эти страшные 30-е годы лишь одна вселяла людям надежду на спасение. Пусть не здесь, не на земле, а там, куда теперь с мольбой устремлялись их взоры... Господи, прими души наши с миром... Прости нас грешных...

Грянул залп... Будто ветром задуло неугасимую до того лампаду Пензенской Церкви... Палачи, казалось, могли торжествовать победу...

Но не зря сказано, что не одолеют врата ада Церковь Христову (Мф. 16, 18). Снова затеплились свечи в Митрофановской церкви. Приехавший из Москвы в январе 1938 года протоиерей Владимир Алексеевич Артоболевский, уроженец

с. Проказы Мокшанского района, привез с собой благословение высшей церковной власти окормлять верующих самим, без архипастырского участия. Оставшийся священник Митрофановской церкви А. Н. Рожков воспрянул духом. На подмогу к ним пришел заштатный священник А. П. Кипарисов, работавший бухгалтером туберкулезного диспансера. И вновь вознеслись молитвы к Богу...

Арестовали их только в октябре 1939 года²³⁶. Артоболевского приговорили к 7 годам лишения свободы, Рожкова к шести, а Кипарисову, как хорошему работнику, дали два года условно. Сроки стали заметно меньше: образ врага, которым наделило государство Русскую Православную Церковь, сменился на врага настоящего... Началась Вторая мировая война.

